

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие автора.....	9
МАНИЖА	13
ДАРИЙЯ	38
ХАЦЕТ	56
МУНТАДИР.....	82
ДЖАМШИД.....	107
ДАРА	119
ДЖАМШИД.....	129
АЛИ	159
РАЗВЕДЧИК.....	184
НАРИ.....	203
АЛИ	232
ЗЕЙНАБ	248
МУНТАДИР.....	273
АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ЭПИЛОГ К «ЗОЛОТОЙ ИМПЕРИИ» ...	290
НАРИ.....	321
Благодарности	342
Глоссарий.....	343

Моим читателям

*Эта книга никогда бы не появилась на свет
без вас*

Предисловие автора

Хотя это и случилось более десяти лет назад, я до сих пор помню день, когда я впервые поделилась тем, что позднее стало «Латунным городом», с моими друзьями по пишущей группе в Бруклине. Я была новенькой в группе, в писательстве и совсем новенькой в роли человека, сидящего на диване в чужом доме и представляющего работу, в которую была вложена вся моя душа; я делилась той разновидностью рукописи, какой, по моему мнению, должна быть эпическая фэнтези: содержать не менее дюжины сюжетных линий различных персонажей, множество дорог от одного края страны до другого, десятки разных городов, деревень и волшебных панорамных видов. И все это, страница за страницей, основано на подробной предыстории, на мудреных рассказах и исчерпывающих описаниях.

Вы могли бы сказать, что они не согласились со мной.

Определенно, существуют эпические истории в жанре фэнтези, которые требуют исследования такого рода, возражали они, но «Латунный город» рассказывал о путешествии Нари и Али. О молодой женщине, насильно вырванной из всего, что она знала, вынужденной снова и снова перестраивать свою жизнь, но нашедшей в себе силы обрести в этом выживании яростную реши-

мость сражаться за свой народ и свое счастье. О молодом мужчине, который пытается примирить свою веру и свои идеалы справедливости с тем фактом, что город, его любимый город, построен на подавлении, но отказ от подавления будет означать отказ от правил собственной семьи. И хотя мое желание состояло в том, чтобы поместить их в абсолютно реальный мир среди густого созвездия друзей и семьи, любимых и врагов, чтобы у каждого была своя история, свои комплексы, свои планы, я заранее приняла решение, что в центре этой конкретной истории будут Нари и Али, а позднее — Дара.

Но я очень привязана к моим второстепенным персонажам и твердо верю: для того чтобы история росла и дышала, нужно воспользоваться самым естественным способом — написать ее. И потому в ходе работы над трилогией я параллельно провела опросы некоторых анонимных лиц и описала поведение Мунтадира и Джамшида теми словами, что они подсказали мне, увидела, как Зейнаб стала вождем повстанцев и углубилась в юные годы Дары в гораздо более древнем Дэвабаде. Я написала сцены, которые помогли мне лучше понять трилогию даже в тех случаях, когда я брала из нее только одну строку или эмоциональный настрой. Они представляли собой мою собственную разновидность исследовательских записок, но не из тех, которыми я намеревалась поделиться.

Но тут началась пандемия. Не погружаясь слишком глубоко в мое личное восприятие этого кризиса, который еще не закончился, достаточно будет сказать, что в первые несколько месяцев локдауна я не могла написать ни строчки. Мир сгорал в пожаре, моя семья нуждалась во мне, а я при этом должна была творить? В отчаянной

попытке в буквальном смысле выдавить из себя хотя бы строку я вдруг поймала себя на том, что возвращаюсь к моим старым описаниям событий в Дэвабаде. Работа над чем-то знакомым и уже отчасти существующим в черновом виде и в любимом и хорошо знакомом мне мире оказалась не такой устрашающей, как начало с чистой страницы нового проекта. Слова стали медленно возвращаться ко мне, и я начала продвигаться вперед, воображая себе жизнь моих героев по завершении «Золотой империи» и человеческих историй задолго до начала «Латунного города».

И вот теперь я делюсь с вами некоторыми из этих историй. Они расположены в хронологическом порядке с коротким предисловием, которое позволит вам уложить их в контекст трилогии. Надеюсь, вам, как и мне, понравится короткое возвращение в Дэвабад, и хочу, чтобы вы знали: я ваш вечный должник за то, что вы решили дать моей книге шанс.

Пусть огонь ярко горит для вас.

Шэннон Чакраборти

Манижа

Эти события происходят за несколько десятилетий до «Латунного города» и содержат спойлеры к двум первым книгам.

Ее сын был великолепен. Манижа нащупала одно из крохотных ушек Джамшида, наслаждаясь красотой его идеального личика. Ему всего-то исполнилась неделя, и его темные глаза еще оставались подернутыми огненной дымкой. Его маленькое тело было мягким и теплым, оно лежало в защитном коконе ее рук. Но Манижа, выйдя из палатки, все равно покрепче прижала его к груди. Хотя весна уже наступила, но еще не успела войти в силу, и Зариаспа цеплялась за свои прохладные утра.

Долина перед ней светилась светом восхода, вспышки розового и алого клевера посверкивали каплями росы на фоне высокой травы. Она осторожно перешагивала через разбросанные по земле камни и битый кирпич. Они с Каве разбили свою палатку в развалинах одного из многих заброшенных людьми домов, какими изобилывала эта земля, и уже мало что отличало эти руины от каменистого склона холма, разве что несколько арок и коренастая колонна, украшенная изображениями алма-

зов. И тем не менее Манижа на ходу спрашивала себя, а каким могло быть это место прежде. Не было ли здесь замка, королевского дворца, по которому ходили другие новоиспеченные родители в ужасе при мыслях о том, что же это за мир, в который они привели ребенка благородных кровей?

Манижа снова посмотрела на сына. Ее Джамшид. Они назвали его королевским именем, позаимствованным давным-давно у людей наряду со множеством других имен — большинство дэвов отрицали, что эти имена заимствованные, но Манижа воспитывалась как Нахид, она знала то, что было запрещено знать остальным представителям ее племени. Имя Джамшид было именем легендарным и королевским. Оптимистическим именем, восходящим к последнему клочку надежды в ее душе.

— Это самое мое любимое место в мире, — тихо сказала она, увидев, как вздрогнули веки Джамшида, сонного малыша, пьяного от молока. Она положила его голову себе на плечо, вдохнула сладкий запах его шейки. — У тебя здесь будет столько приключений. Твой папа купит тебе пони и научит тебя ездить, и ты сможешь исследовать землю, сколько твоей душе угодно. Я хочу, чтобы ты этим занялся, мой дорогой сын, — прошептала она. — Я хочу, чтобы ты исследовал, мечтал и потерялся в каком-нибудь месте, где тебя никто не смог бы найти. Где никто не смог бы запереть тебя в клетку.

Чтобы Гассан не смог дотянуться до тебя. Чтобы он никогда-никогда не узнал о твоём существовании.

И если она в чем и была уверена, так это в одном: Гассан никогда не узнает о существовании Джамшида. При одной только мысли о том, что он может узнать, ей

становилось дурно от страха, а она принадлежала к тем женщинам, которых нелегко напугать. Гассан убьет Каве, она в этом не сомневалась, рано или поздно убьет самым изощренным способом, какой сможет изобрести. Он накажет Рустама, уничтожит то, что осталось от сломленного духа ее брата.

А Джамшид... ее разум не позволял ей размышлять над тем, как Гассан использовал бы ее сына. Если бы Джамшиду повезло, Гассан удовольствовался бы тем, что заставил бы его жить в страхе, в каком жила она с Рустамом: заточил бы где-нибудь в дворцовом лазарете и каждый день напоминал ему, что если бы не полезная кровь Нахид, то вся их семейка давным-давно была бы уничтожена.

Но она не думала, что ее сыну повезет. Манижа видела, как год за годом все больше ожесточается Гассан, превращается в зеркальное отображение его тирана-отца. Может быть, Манижа проявила чрезмерную и глупую гордыню, когда отказала Гассану в том, что его сердце жаждало больше всего; может быть, было лучше связать их семьи и племена родством: вымучивать улыбку на лице во время королевской свадьбы, а в темноте на его кровати закрывать глаза. Может быть, ее народу дышалось бы легче, а ее брат не вздрагивал бы при каждом слишком сильном дверном хлопке. Разве для подавляющего большинства женщин такой выбор не был бы наилучшим максимумом, о каком можно было только мечтать?

Но Манижа сделала другой выбор. Она предала Гассана самым обидным для него образом, и теперь она знала: если ее и Каве поймают, то отомстят.

Она поцеловала спутанный пушок на голове Джамшида: